

— Не пойду!

— Да что с тобой такое? — поторопил Ли Чжао. — Сейчас уже покрывало снимут, идем скорее, идем!

— Не буду я смотреть! Я устал, хочу вернуться в покои Аньюаня и немного передохнуть.

Жуань Юньшэн с удивлением посмотрел на него:

— Ты же сам говорил, что хочешь взглянуть, как выглядит невеста?

Вэнь Сюнь тоже потянул его за рукав:

— Мы с самого полудня ждали этого момента, неужели не ради того, чтобы повеселиться в спальне новобрачных? Весь день провалялся на кушетке, и от чего ты сейчас собрался отдыхать?

Общими усилиями друзья потащили Е Мяня к окну свадебных покоев. Едва он заглянул внутрь, как от обилия алого цвета у него зарябило в глазах и тревожно екнуло сердце.

Вэй Анцина окружила толпа гостей. С помощью праздничных весов из золота и нефрита он приподнял ярко-красное свадебное покрывало невесты. Е Мянью инстинктивно прикрыл глаза рукой.

Стоявший рядом Жуань Юньшэн и смеялся и злился:

— Это еще что за фокусы?

Е Мянью было не выразить словами свою досаду, поэтому он лишь раздраженно пробурчал:

— Ну застеснялся я, ясно вам?

Ли Чжао покатылся со смеху:

— Не тебе же жену брать, с чего вдруг стесняться?

Рядом стояли молодые господа из благородных семей, что были постарше их. Услышав эту перепалку, они тоже рассмеялись и принялись подшучивать над ним.

В лучах закатного солнца лицо толстокожего Е Мяня покраснело так, что едва ли не превзошло яркий свадебный макияж невесты на постели.

Когда вечером они вернулись в усадьбу, Е Мянью, натянув на лицо дежурную улыбку, отужинал со старшими на семейном банкете в честь Праздника Дуанью в Павильоне Шоуюнь, после чего вяло побрел обратно во Двор Баофэн. Войдя во двор, он не стал, как обычно, болтать и шутить со служанками, а лишь велел приготовить воду для купания и пораньше лег в постель.

Служанки Двора Баофэн недоуменно переглядывались. Что сегодня стряслось с Четвертым молодым господином Е? Обычно по выходным он готов был веселиться хоть до третьей стражи, а тут вдруг такое.

Баосюэ тайком подозвала Фэнцзиня, чтобы расспросить его, но тот лишь растерянно почесал затылок:

— Когда ходили в Резиденцию премьер-министра, все было в порядке. А вернулся он сам не свой. Может... может, они повздорили с молодым господином Вэем?

Баохэ сердито фыркнула:

— Не мели чепухи! У нашего Четвертого молодого господина Е легкий нрав, разве станет он дуться из-за какой-то мелкой размолвки?

Баонянь грозно сверкнула своими красивыми глазами и сильно ущипнула Фэнцзиня за руку:

— Ты ходишь за ним по пятам, и еще смеешь заявлять, будто ничего не знаешь! Думаю, ты просто отлынивал от работы и плохо присматривал за ним. Хочешь, я завтра же расскажу об этом госпоже?

— Ой-ой-ой! — вскрикнул от боли Фэнцзинь и, потирая руку, взмолился: — Сестрицы, пощадите на этот раз! Впредь я буду служить изо всех сил.

Так ничего и не выведав у Фэнцзиня, Баосюэ с остальными не решились откинуть полог постели и расспросить уже улегшегося Е Мян. С тревожным сердцем они остались караулить в покоях, и никто не смел прилечь отдохнуть, даже не раздеваясь.

Время близилось к часу Свиньи. Снаружи трижды простучала колотушка ночного сторожа — один быстрый удар и два медленных. Служанки, которые от усталости уже дремали, прислонившись друг к другу головами, разом открыли глаза. Услышав за пологом постели тихий шорох и скрип переворачивающегося тела, они испуганно переглянулись: неужели этот маленький предок до сих пор не уснул?

Баонянь бесшумно подошла к курильнице и подбросила еще несколько кусочков успокаивающих благовоний. Но стоило ей направиться к постели, собираясь украдкой приоткрыть полог, как у ворот двора слышались чьи-то голоса.

Девушки шумно вздохнули и мысленно обругали незваного гостя. Какого слепца принесло посреди ночи ломиться в двери?

Обычно самая мягкая по характеру Баохэ, накинув верхнюю одежду, с сердитым лицом пошла открывать. Однако вскоре она вернулась, благоговейно склонив голову, и ввела за собой Е Цзина, который все еще был в своем официальном чиновничьем одеянии.

Баосюэ и Баонянь от удивления застыли на месте. Лишь заметив, как Баохэ за спиной старшего молодого господина делает им знаки глазами, они опомнились и бесшумно присели в глубоком поклоне.

Е Цзин огляделся и нахмурился:

— Почему в такой поздний час горит столько свечей? Четвертый молодой господин Е еще не ложился?

Не успела Баосюэ ответить, как из-за расшитой ширмы раздался чистый, звонкий голос Е Мян:

— Брат?

Е Цзин подошел ближе. Е Мян сидел на постели, придерживая рукой тонкий марлевый полог.

На нем была лишь ночная рубаха, волосы растрепались, но глаза смотрели ясно и живо — он и не думал спать.

Е Цзин щелкнул его по лбу:

— Который час, а ты все не спишь и маешься дурью?

— Я давно уже лег, не веришь — спроси у Баосюэ и остальных, — пробормотал Е Мянью, потирая лоб. — Но если не спится, разве я в этом виноват?

Из-за ширмы поспешно отозвалась Баосюэ:

— Не смеем лгать старшему молодому господину, Четвертый молодой господин Е действительно лег спать очень рано...

Е Цзин приложил ладонь к его лбу:

— Тогда почему не спишь? Нездоровится?

Пальцы Е Цзина, пришедшего с ночной прохлады, были приятно прохладными. Е Мянью потерялся о них лбом и пробурчал:

— Если бы мне было плохо, я бы не посмел скрывать. Меня ведь за это уже наказывали.

Е Цзин, глядя на его ворчание, тихо усмехнулся.

Е Мянью поднял глаза на брата и с любопытством спросил:

— Но мне вот интересно: что ты сам делаешь в моих покоях посреди ночи?

— Да так, — небрежно отозвался Е Цзин. — Хотел просто взглянуть на тебя перед уходом.

Е Мянью хитро улыбнулся:

— Ну как, вкусные были цзунцзы?

Е Цзин посмотрел сверху вниз на Е Мянью, чьи глаза от довольной улыбки сузились в два блестящих полумесяца. Не удержавшись, он снова щелкнул его по лбу:

— Редкостная гадость.

— Ай, брат! — Е Мянью беззастенчиво обхватил Е Цзина за талию и, пользуясь моментом, заканючил: — Мы столько дней не виделись, неужели нельзя сказать что-нибудь приятное? Я вообще твой родной брат или как?

Е Цзин попытался высвободиться из хватки этого «липкого леденца», но безуспешно.

— Мое верхнее платье все взмокло от росы, — со вздохом произнес он. — Столько лет уже, а все такой же непоседа.

Е Мянью коснулся черного чиновничьего халата брата с вышитой нашивкой-буцзы, изображающей жаворонка, и его ладонь тут же стала влажной.

— Тогда почему ты до сих пор не снял его? — Е Мянью поспешно поднялся. Поразмыслив

секунду, он добавил: — Брат, может, останешься сегодня у меня? Ночью ложится сильная роса, зачем тебе бегать туда-сюда и простужаться?

Не дожидаясь согласия Е Цзина, Е Мяннь тут же крикнул служанке:

— Баонянь, сходи в Павильон Бихуа и принеси пару смен одежды для старшего молодого господина. И пусть передадут невестке, что брат переночует у меня.

Отдав распоряжение, Е Мяннь повернулся и обнаружил, что брат смотрит на него с едва заметной усмешкой. Он тут же расплылся в невинной улыбке, обнажив ряд ровных белых зубов, всем своим видом демонстрируя кротость и покорность.

Служанкам Е Мяння, входящим во внутренние покои, не позволялось прислуживать при омовении старшего молодого господина, поэтому Е Цзин сам наспех обмылся в соседней комнате, где обычно купался его младший брат.

Ночная рубаха Е Мяння успела впитать влагу с одежды Е Цзина. Баосюэ забеспокоилась и вместе с Баохэ помогла ему переодеться в сухое.

После всей этой суматохи братья наконец легли. Наступил час Крысы.

Е Мяннь, словно осьминог, обвил Е Цзина руками и ногами, ластился к нему, капризничал и без умолку сыпал сладкими речами.

Е Цзин вздохнул, шлепнул его пониже спины и спросил:

— Выкладывай, чего ты хочешь?

Е Мяннь забежал глазами, но голос его прозвучал жалобно:

— Да ничего мне не нужно. Брат в последнее время совсем со мной не общается, у меня даже аппетит пропал, какие уж тут подарки.

Е Цзин согласно кивнул:

— Вот и отлично, тогда я спать.

Е Мяннь лишился дара речи. Не стоило так быстро обрывать разговор!

Он надул губы:

— Неужели сегодняшние цзунцзы и впрямь невкусные? А я ведь велел кухарке выбрать для тебя самые красивые.

Е Цзин усмехнулся и, потирая переносицу, сказал:

— Советую тебе не ходить вокруг да около, а сразу выложить свои замыслы. Я очень устал и скоро просто засну, так что слушать твои бредни не смогу.

Е Мяннь приподнялся на локте, и его глаза наполнились тревогой:

— Брат, у тебя снова разболелась голова? Может, позвать лекаря?

Е Цзин махнул рукой:

— Зачем шуметь посреди ночи? Просто усталость навалилась.

— Тогда я сделаю тебе массаж, чтобы снять усталость, — Е Мянъ сел на постели и засучил рукава. — Обещаю больше не приставать, если хочешь спать — спи.

Е Цзин негромко рассмеялся:

— Перестань дурачиться, что ты умеешь?

— О-о! — хмыкнул Е Мянъ. — Я много чего умею! — С этими словами он потянулся руками к его лбу.

Его мягкие пальцы с приятным нажимом начали медленно массировать точку иньтан между бровями Е Цзина.

— Так лучше? — тихо спросил Е Мянъ.

Е Цзин не ответил, но его темные, как воронье крыло, ресницы плавно опустились, а нахмуренный лоб разгладился.

Уголки губ Е Мянъ приподнялись в улыбке. Он уселся на колени и задействовал вторую руку. В течение некоторого времени он бережно растирал виски и точку янбай на лбу Е Цзина.

— Легче стало?

Лишь спустя долгое время Е Цзин, не открывая глаз, тихо выдохнул: «Угу». Е Мянъ беззвучно улыбнулся, нащупал позади себя парчовую подушку и бережно подложил ее брату под шею.

<http://bllate.org/book/18289/1753855>